

Изучение истории религии в 1920-е годы и первые антирелигиозные экспозиции в Ленинграде

Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РФФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX вв.»

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения первого музея истории религии в Петрограде в 1922 г. К концу 1920-х – началу 1930-х в СССР было создано более ста антирелигиозных музеев. Кроме того, появились антирелигиозные отделы в экспозициях многих краеведческих и исторических музеях. В Москве в соборе Страстного монастыря был открыт Центральный антирелигиозный музей.

В 1933 г. постановлением правительства он был признан всесоюзным научным и методическим центром музейно-антирелигиозной работы. Однако первый музей, пропагандирующий сравнительно-исторический подход в исследовании и презентации религиозных артефактов начал создаваться в Петрограде в 1922 г. после выхода в свет статьи В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма». На основе архивных материалов автор показывает формирование нового музея на основе сопряжения деятельности Петроградского экскурсионного института, учрежденной Академии наук и этнографического отделения Петроградского университета. Особая роль в его создании, скорее всего, принадлежала В.Г. Богоразу.

Ключевые слова: антирелигиозное движение в СССР, сравнительное изучение религий, В.Г. Богораз, антирелигиозные музеи

Marianna M. Shakhnovich

Study of the History of Religion in the 1920s and the First Anti-Religious Expositions in Leningrad

The paper is prepared with the support of the RSF grant № 16-18-10083 «The Study of Religion in Social and Cultural Context of the Epoch: the History Religious Studies and Intellectual History of Russia XIX – first half of XX century»

Abstract. The article deals with the history of the foundation of the first museum on the history of religion in Petrograd in 1922. By the end of the 1920s – the beginning of the 1930s, more than 100 antireligious museums were created in the USSR. In addition, anti-religious departments appeared in the expositions of many local history and historical museums. In Moscow, the Central Anti-Religious Museum was opened in the Cathedral of the Strastnoy Monastery. In 1933, by government decree, it was recognized as an all-Union scientific and methodological center of museum-anti-religious work. However, the first museum promoting a comparative historical approach to the study and presentation of religious artifacts was started in Petrograd in 1922 after the publication of V.I. Lenin's article “On the Significance of Militant Materialism”. Based on archival materials, the author of the paper shows the formation of a new museum based on the conjugation of the activities of the Petrograd Excursion Institute, institutions of the Academy of Sciences and the ethnographic department of Petrograd University. A special role in museum creation, most likely, belonged to V.G. Bogoras.

Key words: anti-religious movement in the USSR, comparative study of religions, V.G. Bogoras, antireligious museums

Шахнович Мариана Михайловна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии религии и религиоведения СПбГУ; Санкт-Петербург; m.shakhnovich@spbu.ru

Marianna M. Shakhnovich – DSc (Philosophy), Full Professor, Head of the Department of the Philosophy of Religion and Religious Studies, St. Petersburg State University; St. Petersburg, Russia; m.shakhnovich@spbu.ru

Современный интерес к истории изучения религии в России наряду с появлением целого ряда высокопрофессиональных трудов по истории российского религиоведения первой четверти XX века [Браткин, 2017; Вебер, 2017; Емельянов, 2017; Михельсон, 2017; Терюкова, 2017; Чумакова, 2017] стал причиной появления отдельных статей, которые благодаря актуальной тематике и внешней гладкости выходят из печати в изданиях, к сожалению, не привлекающих к рецензированию специалистов по истории общественной мысли и политической истории первых десятилетий Советской власти. Подобная экспертная оценка крайне необходима, так как история религиоведения как науки, как в России, так и в Европе, сопряжена с историей исследования религиозной ситуации в той или иной стране в рассматриваемый период времени в части соблюдения законодательства в области религии, свободы совести и цензуры. Это особенно важно, когда речь идёт о развёртывании антицерковной, а затем и антирелигиозной политики в 1920–1930 г. в Советской России [Курляндский, 2011]. К сожалению, не отвечающие требованиям научной глубины, поверхностные работы приводят к путанице и распространяют ошибочные мнения.

В последние десятилетия бурно развиваются музееведческие исследования, но наряду с очень содержательными и глубокими работами, в том числе и касающимися истории музеев, так или иначе имеющих отношение к религии [Ананьев, 2018; Постернак, 2005], есть публикации, которые вызывают большое недоумение. Так, в статье, опубликованной в издаваемом в Санкт-Петербурге солидном музееведческом журнале, и посвящённой одному из Петроградских/Ленинградских музеев, имеющих отношение к религии, автор утверждает, что начало антирелигиозной кампании в Советской России было положено книгой Л.Д. Троцкого «Вопросы быта» (1923), а у истоков создания антирелигиозных музеев в стране был скульптор И. Золотаревский, создавший мастерскую по копированию скульптуры и искавший путей распространения своих копий. Автор пишет: «На XII съезде РКП (б) (апрель 1923 г.) Луначарский сделал доклад о работе мастерской, после чего съезд высказался в поддержку проекта Золотаревского и признал музеефикацию СССР “задачей государственной важности”» [Некрасова, 2018, 86]. Тому, кто хоть мало-мальски знаком с историей СССР, трудно себе представить, что партийный съезд «высказался в поддержку проекта Золотаревского», не говоря уже о том, чтобы он заслушивал специальный доклад о работе скульптурной мастерской. Но самое главное, что проверить достоверность этих «фактов» невероятно легко, открыв стенограмму съезда. Из неё очевидно, что не только никакой поддержки проекту Золотаревского высказано не было, но вообще никакого доклада А.В. Луначарского на съезде не было. Луначарский упомянут в списке делегатов съезда, но он не выступал на съезде вообще. А вот то, что на этом съезде была принята очень важная с точки зрения истории антирелигиозной политики резолюция «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды», автор статьи, решившая заниматься историей антирелигиозных музеев, не упоминает вовсе. Какими источниками она пользовалась, на что опиралась, непонятно. Вполне возможно, если бы автор статьи сосредоточилась на истории Копировальной мастерской Академии Художеств или на творческой биографии Исидора Золотаревского, результаты были также впечатляющи, но в позитивном ключе.

Мне уже приходилось писать о том, что в истории партийной идейно-политической, а, следовательно, – и идеологической работы в области религии в СССР можно выделить пять периодов, которые, безусловно, оказали своё воздействие и на развитие науки о религии. Первый начинается с ноября 1917 г., это период антирелигиозной, чаще всего, антицерковной агитации. Второй – с 1922 г., с момента выхода в свет статьи Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой он указывал на необходимость вести «неутомимую» атеистическую пропаганду. Основные тезисы этой статьи, получившей название «философское завещание Ленина» были положены в основу решений партии по вопросам борьбы с религией [Шахнович, 1961, 637–646]. В резолюции XII съезда партии «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» (1923), помимо анализа причин религиозности среди трудящихся, а также форм и способов атеистической пропаганды, отмечалась необходимость изучать историю религии. Статья Ленина, опубликованная в марте

1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма», была воспринята партийными органами и в Москве, и «на местах» как немедленное руководство к действию. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП (б) в первой половине 1923 года в своих директивных документах указывает: «Антирелигиозная пропаганда, ранее входившая как более или менее случайный элемент в работу агитпропов на местах, с последних месяцев 1922 г. становится в порядок дня» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 62].

К концу 1920-х – началу 1930-х в СССР было создано более ста антирелигиозных музеев. Кроме того, появились антирелигиозные отделы в экспозициях многих краеведческих и исторических музеях. К 1941 году в Советском Союзе было 47 антирелигиозных музеев. Существовал и Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ), открывшийся в конце 1920-х годов в Москве, в соборном храме ликвидированного Страстного монастыря. В 1933 г. постановлением правительства он был признан всесоюзным научным и методическим центром музейно-антирелигиозной работы.

Большинство антирелигиозных музеев не имело образованных сотрудников и достаточного количества экспонатов. Используя доступные документы – фотографии, плакаты, листовки, газеты, – они обличали союз церкви и самодержавной монархии, сводили экспозиционную и пропагандистскую работу главным образом к критике Русской православной церкви, которая в дореволюционном российском государстве была тесным образом связана с царской властью. Иная ситуация складывалась в Петрограде.

Инициатива об открытии в Петрограде какой-либо экспозиции по сравнительному изучению религий возникла не после XII съезда РКП (б) и не после публикации в «Правде» информации об издании книги Троцкого, как пишет, упомянув выше автор «музееведческой» статьи, то есть не 1923 году, а – весной 1922 г., после выхода в свет статьи Ленина с призывом взять на вооружение «бойкую и живую» литературу французских просветителей о религии. Уже в начале декабря 1922 года был готов документ на 15 машинописных страницах, представляющий собой структурный план Выставки по сравнительному изучению религий и перечень предполагаемых экспонатов, включающий как оригинальные артефакты, так и подлежащие заказу копии, или как тогда говорили, «модели». Работа по составлению такого проекта должна была занять определённое время, он мог быть подготовлен только, если его авторы прекрасно владели не только знаниями по истории религии, но и были глубоко осведомлены о том, что хранилось в петроградских музеях, прежде всего, в Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии. Этот документ с письмом на бланке Петроградского Губернского отдела Народного Политического просвещения (Нарполитпросвета) 18 декабря 1922 года был отправлен в Москву в секретариат ЦК РКП (б) на утверждение к Е.М. Ярославскому. Фактически, этот документ представлял собой подробный структурно-тематический план не выставки, а музея по сравнительному изучению религий, или музея истории религий, включающий разработки не только по первобытным или древним политеистическим религиям, но и по мировым монотеистическим религиям.

Предполагалось создание следующих разделов экспозиции: «Души, духи, загробная жизнь; Боготворение огня; Боготворение животных, растений, камней и т.д.; Боготворение предков; Боготворение духов-хозяев; Культ астральный; Боги высшего политеизма; Представители богочеловечества; Посредники между богами и людьми (шаманы, жрецы и т.д.); Алтари, храмы, храмовый инвентарь; Религиозные церемонии (жертвоприношения, молитвы, вотивизм); Праздники, мистерии. Религиозная музыка; Приемы волшебства и чародейства; Этика и религия; Религиозный символизм; Языческие переживания в монотеистических религиях; Языческие переживания у европейского крестьянства» [РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 182. Л. 1-1об.].

В 1946 г. в статье, посвящённой В.Г. Богоразу, М.И. Шахнович писал, что в музеях России до 1917 г. хранились богатейшие историко-религиозные коллекции, на их основе иногда устраивались специальные выставки, но они носили временный характер. Он сообщал: «В Музее истории религии Академии Наук СССР хранится объявление об историко-религиозной выставке, организованной в 1880 г.

в Петербурге. «Выставка исторических религиозных древностей и культов всех главных религий: православной, католической, еврейской, магометанской, буддийской с подразделениями на секты и пр. С платой за вход по 20 к. Открыта с 10 ч. утра до 10 часов вечера ежедневно <...> Выставлено много новых предметов, составляющих редкие экземпляры, интересные для науки, как например: литовские идолы, которые ещё по настоящее время не определены наукой, а также большая коллекция редких буддийских вещей, украшенных дорогими камнями. В еврейском отделе особенного внимания заслуживают некоторые предметы, как то: амулеты, книги и др. <...> Собрание римско-католического отдела отличается особенною полнотою, и в числе действительно редких экземпляров находятся древние рукописи на пергаменте, латинские и славянские, кроме того, множество древних книг, рукописных и печатных, на разных языках. Невский пр. д. 51, кв. 12 от Владимирского проспекта третий дом.» <...> В 1884 г. эта же выставка была перевезена в Москву, где занимала большой дом на Никольской улице. На выставке были отдел христианских древностей, русские церковные древности, буддийский отдел, масонская ложа и т.д.» [Шахнович, 2018, 51].

В Петрограде были учёные, которые были заинтересованы не только в популяризации знаний о религии и о её социальной роли, но и в серьёзном изучении истории религии и подготовке новых специалистов в этой области. Ещё в 1919 г. в учебных планах факультета общественных наук Первого Петроградского университета (бывш. Императорский Петербургский университет) были указаны курсы по сравнительному изучению религий и истории мировых религий. В процессе реорганизации историко-филологического факультета и факультета восточных языков их деканы, С.А. Жебелев и Н.Я. Марр объясняли необходимость преподавания истории религии тем, что «в такой многорелигиозной стране как Россия, в стране, которая до сего часа продолжает жить именно в народных массах неискоренимыми суеверными представлениями, научное раскрытие и научное освещение религиозных явлений на основе независимой критики имеет громадное государственное значение» [ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 46. Л. 10].

Письмо в секретариат ЦК с проектом о создании выставки по сравнительному изучению религии было подписано Председателем комиссии по её устройству – Э.В. Краснухой. Эмма Васильевна Краснуха (7 февраля 1878 – после 1951 г.) в 1922 году была директором Экскурсионного института Петроградского отделения Наркомпроса РСФСР. Она получила прекрасное образование: после окончания гимназии она отправилась в Германию, где в 1899 г. была слушательницей Берлинского университета, а вернувшись в Россию, поступила на Высшие женские Бестужевские курсы, которые закончила очень успешно в 1903 г.¹ Учителем Э.В. Краснухи был Иван Михайлович Гревс – один из основателей экскурсионного дела в России. В 1922 году И.М. Гревс руководит гуманитарным отделом возглавляемого ею Экскурсионного института и отвечает там за всю теоретическую работу. Петроградский Экскурсионный институт, в отличие от Петроградской экскурсионной базы (директором которой тоже была Э.В. Краснуха) и которая размещалась с ним в одном доме на Симеоновской ул., 13, – ныне ул. Белинского), находился в двойном подчинении: с одной стороны он подчинялся Наркомпросу, а с другой – Управлению научными учреждениями Академического центра. Если в задачи Экскурсионной базы входила непосредственная экскурсионная деятельность и её координация, то перед Институтом были поставлены как образовательные, так и научные задачи. Научно-методическому подразделению вменялось налаживание отношений с академическими учреждениями и высшими учебными заведениями. Этой работой занимались секретари соответствующих отделов. Секретарём отдела истории был Г.Э. Петри, тоже ученик И.М. Гревса, будущий сотрудник Музея истории религии АН СССР. В начале 1920-х гг. Петри читал лекции по экскурсионному делу на этнографическом отделении, а затем на факультете языка и материальной культуры Петроградского университета, куда он не мог бы попасть без одобрения В.Г. Богораза.

Сейчас трудно установить, кто именно был инициатором обращения к сотрудникам МАЭ за помощью при составлении списка экспонатов выставки, Г.Э. Петри, сама Э.В. Краснуха или какой-то другой её сотрудник, но совершенно очевидно

из списка представленных в секретариат ЦК экспонатов, что список составлен несколькими экспертами, в том числе и тем, кто прекрасно знает фонды Эрмитажа по античному искусству, и теми, кто прекрасно знает фонды МАЭ, причём разные его отделы (Сибирь и Дальний Восток, Индия, Китай, Япония) и проч. Скорее всего, инициатива исходила от В.Г. Богораза, который привлёк к этой работе Л.Я. Штернберга. С.А. Ратнер пишет в статье о научной деятельности своего мужа, что он с «увлечением откликнулся в 1923 году на организуемую выставку по религии, которую он мыслил как подраздел будущего Отдела Эволюции культуры, <...> и охотно шёл навстречу экспонатами, рисунками, муляжами, советами и указаниями» [Ратнер-Штернберг, 1928, 64]. М.И. Шахнович в статье о Богоразе отмечает: «В 1923 году в Петрограде на ул. Белинского д. 13 губполитпросветом был организован при участии В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга “Музей сравнительного изучения религий”» [Шахнович, 2018, 52]. И Ратнер-Штернберг, и Шахнович упоминают 1923 г. как год открытия выставки (музея). Однако работа над ней началась в 1922 году. На это указывает и Иосиф Яковлевич Эльяшевич в своей статье об антирелигиозной работе в Петрограде-Ленинграде в 1920-е годы. Он упоминает «Музей сравнительного изучения религии, организованный в 1922–23 г. экскурсионной базой губполитпросвета» [Эльяшевич, 1926, 52].

Скорее всего, инициатором выставки по сравнительному изучению религии мог быть Богораз. Такая идея могла прийти в голову только абсолютно свободному от академических стереотипов человеку. Он мог воспользоваться ситуацией после публикации статьи Ленина и в ответ на просьбу прочитать очередную лекцию на антирелигиозном семинаре предложить грандиозный проект. Как и в 1932 году, когда был создан Музей истории религии АН СССР, желание властей по проведению антирелигиозной пропаганды совпали со стремлением исследователей изучать религию. В 1929 г., выступая на втором съезде Союза воинствующих безбожников, Богораз говорил о создании экспозиций по сравнительному изучению религий: «Мы выйдем на музейном материале, что такое религия первобытной собирательной стадии, что такое религия охоты, религия скотоводства, религия земледелия, и новая религия более промышленного типа. Мы проследим эволюцию материальной святости от амулетов, от мелких религиозных предметов к более крупным фетишам, — к иконам и статуям, от простого мольбища к церкви, от колдунов к шаманам, к жрецам и духовенству» [Стенографический отчёт, 1930, 37]. Спустя 10 лет после своего участия в создании экспозиции Музея сравнительного изучения религии он создал Музей истории религии Академии Наук СССР.

Библиографический список

1. Ананьев, В.Г. Музей отживающего культа (1923–1927): история создания и пути формирования коллекции / В.Г. Ананьев // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432. – С. 57–64.
2. Браткин, Д.А. Иеромонах Алексей Виноградов как библиист и историк переводов Библии / Д.А. Браткин // Религиоведение. – 2017. – № 3. – С. 155–163.
3. Вебер, Д.И. Исследование религиозной культуры в трудах Л.П. Карсавина / Д.И. Вебер // Религиоведение. – 2017. – №1. – С. 109–116.
4. Емельянов, В.В. В.В. Струве как историк месопотамской религии / В.В. Емельянов // Религиоведение. – 2016. – № 4. – С. 111–121.
5. Курляндский, И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.) / И.А. Курляндский. – М., 2011. – 720 с.
6. Михельсон, О.К. Из истории российского религиоведения: у истоков научной психологии религии в России (конец XIX — начало XX в.) / О.К. Михельсон // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2018. – № 1. – С. 145–170.
7. Некрасова, А.Н. Вера в разум. Антирелигиозный музей в Ленинграде как проект эпохи модерна / А.Н. Некрасова // Музей – памятник – наследие. – 2018. – № 1. – С. 80–91.
8. Постернак, О.П. Музейная деятельность на территории Донского монастыря в 1920–1930 годы / О.П. Постернак // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2005. – № 4. – С. 114–132.

9. Ратнер-Штернберг, С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии АН СССР / С.А. Ратнер-Штернберг // Сборник МАЭ. – 1928. – Т. VII. – С. 31–67.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 62.
11. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 182. Л. 1-1об.
12. Стенографический отчёт II съезда Союза воинствующих безбожников. – М.: Безбожник, 1930.
13. Терюкова, Е.А. М.Е. Красножен – исследователь церковно-государственных отношений в Российской империи / Е.А. Терюкова // Религиоведение. – 2017. – № 2. – С. 120–126.
14. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 46. Л.10.
15. Чумакова, Т.В. Православные священнослужители XIX – первой четверти XX в. как исследователи религии // Святейший Синод в истории российской государственности / под ред. С.Л. Фирсова, П.В. Фёдорова. – СПб.: Президент. б-ка, 2017. – С. 334–350.
16. Шахнович, М.И. Ленин и проблемы атеизма / М.И. Шахнович. – М.-Л.: Наука, 1961. – 673 с.
17. Шахнович, М.И. В.Г. Богораз – историк религии / М.И. Шахнович // Из архива. Избранные труды В. Г. Богораз по шаманству (1934–1936 гг.) / подгот. М. М. Шахнович, Е. А. Терюковой; [примеч. М. М. Шахнович]. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 464 с.
18. Эльяшевич, И. Антирелигиозная пропаганда в Ленинграде (1924–1925 гг.) / И. Эльяшевич // Антирелигиозник. – 1926. – № 6. – С. 52–56.

Текст поступил в редакцию 01.09.2018.

---

¹ См. личные дела: СПФ АРАН. Ф. 233. Оп. 2. Д. 79; Ф. 142. Оп. 5. Д. 133; Ф. 142. Оп. 5. Д. 297. В начале 1930-х годов Э. В. Краснуха – научный сотрудник I разряда МАЭ АН СССР, а затем – зав. просветотделом.

References

1. Ananyev V.G. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin]. 2018, no. 432, pp. 57–64 (in Russian).
2. Bratkin D.A. *Religiovedeniye* [Study of Religion]. 2017, no. 3, pp.155–163 (in Russian).
3. Chumakova T.V. *Svyateyshiy Sinod v istorii rossiyskoy gosudarstvennosti* [Holy Synod in the History of Russian Statehood]. Eds. S.L. Firsov, P.V. Fedorov. St. Petersburg: President. b-ka, 2017, pp. 334–350 (in Russian).
4. Elyashevich I. *Antireligioznik*. 1926, no. 6, pp. 52–56 (in Russian).
5. Emelianov V.V. *Religiovedeniye* [Study of Religion]. 2016, no. 4, pp. 111–121 (in Russian).
6. Kurl'yandsky I.A. *Stalin, vlast, religiya (religioznyy i tserkovnyy faktory vo vnutrenney politike sovetского gosudarstva v 1922–1953 gg.* [Stalin, Power, Religion (Religious and Ecclesiastical Factors in the Internal Policy of the Soviet State in 1922–1953)]. Moscow, 2011, 720 p. (in Russian).
7. Mikhelson O.K. *Gosudarstvo. religiya i tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Abroad]. 2018, no. 1, pp. 145–170 (in Russian).
8. Nekrasova A.N. *Muзей – pamyatnik – naslediyе* [Museum – Monument – Heritage]. 2018, no. 1, pp. 80–91 (in Russian).
9. Posternak O.P. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of St. Tikhon's Orthodox Humanities University]. Moscow, 2005, no. 5, pp. 114–132 (in Russian).
10. Ratner-Sternberg S.A. *Sbornik MAE* [Collection of the MAE]. Leningrad, 1928, vol. VII, pp. 31–67 (in Russian).
11. *RGASPI* [The Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 17, inventory 60, file 509, fol. 62 (in Russian).
12. *RGASPI* [The Russian State Archive of Socio-Political History]. Fund 89, inventory 4, file 182, fols. 1–1vs. (in Russian).
13. *Stenograficheskiy ochet II syezda Soyuza voinstvuyushchikh bezbozhnikov* [Stenographic Report of the 2nd Congress of the Union of Militant Atheists]. Moscow: Atheist, 1930 (in Russian).
14. Teryukova E.A. *Religiovedeniye* [Study of Religion]. 2017, no. 2, pp. 120–126 (in Russian).
15. *TsGA St. Peterburga* [St. Petersburg Central State Archive]. Fund 7240, inventory 14, file 46, fol. 10 (in Russian).
16. Shakhnovich M.I. *Lenin i problemy ateizma* [Lenin and the Problems of Atheism]. Moscow–Leningrad: Science, 1961, 673 p. (in Russian).
17. Shakhnovich M.I. *Iz arkhiva. Izbrannyye trudy V. G. Bogoraza po shamanstvu (1934–1936 gg.)* [From the Archive. Selected Works of V.G. Bogoras on Shamanism (1934–1936)]. Eds. M.M. Shakhnovich, E.A. Teryukova. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg. University, 2018, 464 p. (in Russian).
18. Weber D.I. *Religiovedeniye* [Study of Religion]. 2017, no. 1, pp. 109–116 (in Russian).